

ИНТЕГРАЦИЯ КАЛМЫКОВ В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Черник М.В.

Черник Мария Владимировна, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: chernik-max@mail.ru

Статья посвящена анализу особенностей интеграции калмыцкого населения в правовую систему Российской империи в конце XVIII– первой половине XIX в.

После ликвидации государственности калмыцкого народа российским правительством была начата работа по реализации принципов организации и функционирования системы российского судопроизводства на территории Калмыцкой степи. Попытки ведения местного (национального) законодательства в единое законодательное пространство страны завершились тем, что была изменена подсудность дел и фактически перераспределены полномочия по их рассмотрению. Постепенное распространение российского законодательства в национальном судопроизводстве привело к сокращению перечня дел, рассматриваемых по древним калмыцким законам. Несмотря на это, судебная практика, вводимая на территории Калмыцкой степи, позволяла учитывать социальную жизнь и быт калмыков, специфику национальной ментальности и особенности правосознания.

При сохранении отдельных местных традиционных структур и институтов власти в Калмыцкой степи все более усиливалась роль российских чиновников, а суды находились под жестким надзором администрации.

Существенным минусом этого процесса стало то, что новые порядки вводились сверху и носили искусственный характер. Калмыцкое правосознание оставалось прежним и не могло поменяться так быстро, как того хотело правительство. Новое судопроизводство стало носить формальный характер, а российские суды, к компетенции которых была отнесена значительная часть калмыцких дел, сами нуждались в реформировании. Процесс интеграции протекал достаточно сложно и к середине XIX в. не был завершен. Это привело к тому, что во всех улусах сложилась различная практика в отношении судопроизводства и подсудности улусных Зарго, а калмыки потеряли всякое доверие к своему суду, осуществлявшему судопроизводство по российским законам, и судьям, не имевшим практического опыта обращения к нормам калмыцкого обычного права.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкая степь, суд Зарго, судопроизводство, правосознание, правовая система.

После откочевки в конце 1771 г. значительной части калмыков в Джунгарию, Калмыцкое ханство было упразднено, фактически была ликвидирована государственность калмыцкого народа (Максимов, 2002, стр. 152). Калмыцкая степь вошла в состав Астраханской губернии, и

именно с этого времени был начат процесс введения калмыцкого народа в единое российское правовое пространство. Традиционная картина мира калмыцкого общества начала трансформироваться под воздействием внешних факторов (политических, экономических и социальных). Как отмечают отечественные ученые С.Н. Якушенков и О.С. Якушенкова (2016), конкретный набор подобных факторов и создает национальную картину мира, выполняющую важную функцию адаптации к различным условиям, как природным, так и социальным (стр.9).

Введение новых порядков управления и правовой системы было обусловлено необходимостью решения правительством ряда местных задач, что, в свою очередь, требовало учета национальной специфики территории. Характерной особенностью этого процесса являлась его постепенность, государство понимало, что единовременно ввести нормы российского права и изменить правовое сознание калмыцкого народа невозможно и нецелесообразно, так как насильственное насаждение новых порядков могло привести открытому неприятию, к конфликту. Кроме того правительство само еще находилось в поисках путей совершенствования управления различными национальными территориями, в поисках форм и механизмов взаимодействия центральных и местных властей с инородцами.

Анализ нормативно-правовых документов, касающихся управления калмыками показывает, что процесс интеграции калмыцкого населения в правовую систему Российской империи включал в себя несколько составляющих.

Первой из них являлось изменение структуры и состава органов судебной власти для калмыцкого населения.

В 1772 г. при канцелярии калмыцких дел, являвшейся специальной структурой канцелярии астраханского губернатора, осуществлявшее общее управление калмыцкими делами, был учрежден судебный орган – Суд Зарго. В его состав вошли три зайсанга (от торгоутовского, дербетовского и хошоутовского улусов). Зарго не обладал самостоятельностью, так как являлся частью администрации, а его решения приобретали силу официального документа, только после утверждения их губернатором. В 1786 г. связи с реорганизацией общего калмыцкого управления и судебной реформой России Зарго был упразднен, а его функции преданы астраханским уездным судам. Однако, спустя 14 лет, указом Павла I был учрежден Совет при наместнике – Зарго в составе восьми человек (светских и духовных лиц с учетом равного представительства зайсангов от улусов) и представителя российской центральной власти с правом решающего голоса (Максимов, 2002, стр. 156).

В 1801 г. была учреждена должность Главного пристава «при всем калмыцком народе» с помощниками – частными приставами по улусам. Одной из основных его функций являлось участие в судебных разбирательствах, но уже в 1803 г. в целях устранения распрей и споров, и Зарго, и Главный пристав указом Александра I были подчинены на местном уровне астраханскому военному губернатору. Постепенно Зарго был лишен административно-управленческих функций и полностью превращен в судебный орган.

Правила «Об управлении калмыцким народом» 1825 г. возложили на Суд Зарго функции окружного органа управления. В его состав входило восемь человек: два гелюнга и шесть владельцев и зайсангов (ПСЗ РИ, Т. 40, №30290, стр. 158). Несмотря на то, что члены Зарго избирались в улусах, утверждение производилось Комиссией калмыцких дел – коллегиальным учреждением, возглавляемым астраханским губернатором. Фактически суд Зарго работал под контролем, так как содействовать его работе должен был один из специально прикрепленных помощников Главного пристава, а документирование вести один из его переводчиков.

Дела, связанные со спорами, оскорблениями личности, разбирались в улусных судах всесословного характера – улусных Зарго. Их состав избирался на год от представителей зайсангов и почетных лиц. Улусные судью выступали как посредники, обладая правами словесных судей (ПСЗ РИ, Т. 40, №30290, стр. 160).

В 1835 г. был опубликован новый нормативный документ, изменивший статус Калмыцкой степи и систему ее управления, – «Положения об управлении калмыцким народом, кочующим в Астраханской губернии и Кавказской области и штат сего управления». Высшим должностным лицом от Министерства внутренних дел в системе управления стал астраханский военный губернатор. Значительное место в его деятельности занимал контроль правильности решений Зарго. Если решение суда соответствовало требованиям закона, и было правильно оформлено, губернатор давал согласие на его исполнение. В случае несогласия, он должен был со своим заключением обратиться в Правительствующий Сенат (ПСЗ РИ, Т.10, Ч.2, № 7560а, стр. 19).

Суд Зарго, рассматривавший гражданские, уголовные, а так же семейные дела, по своему статусу, был практически приравнен к губернской палате уголовного и гражданского суда (реформы 1797 г.). В его состав входили: председатель, назначаемый императором из российских чиновников по представлению министра юстиции; два советника, назначаемые Министерством юстиции из российских чиновников по представлению астраханского военного губернатора; два

ассессора, избираемые из нойонов сроком на три года и утверждаемые в должностях военным губернатором.

Суды первой инстанции по Положению были представлены улусными судами. Они рассматривали уголовные (воровство от 5 до 20 руб.), гражданские дела и дела по опекам между калмыками разных улусов, и с посторонними лицами, когда они не прекращались мировым добровольным разбором (ПСЗ РИ, Т.10, Ч.2, № 7560а, стр. 31). В состав улусного Зарго входили: нойон-владелец или правитель улуса (председатель); улусный попечитель, его помощник; два заседателя, избираемые из зайсангов сроком на три года и утверждаемые в этой должности военным губернатором.

В улусных судах дела принимались к рассмотрению по предписаниям Совета калмыцкого управления, Суда Зарго, улусного попечителя, а так же по просьбе частных лиц. Спорные дела незначительного характера могли быть разрешены в улусном суде при помощи посредника, избранного спорящими. Решение посредника считалось окончательным в соответствии с Положением о третейских судах 1831 г. Улусные Зарго находились в непосредственном подчинении у Совета калмыцкого управления и перед ним ежегодно отчитывались о финансовых расходах и ежемесячно – о рассматриваемых делах и содержащихся под арестом.

23 апреля 1847 г. Николаем I было утверждено «Положение об управлении калмыцким народом», основной целью которого было «управление народом сделать проще и по возможности сблизить в правилах и порядке с управлением государственными крестьянами, дабы таким образом, водворяя между калмыками постепенно русские начала, приуготовить их к слиянию с коренными жителями, подобно другим инородцам» (Максимов, 2002, стр.183).

В ноябре 1848 г. был упразднен областной суд Зарго, а все его функции постановлением Сената были переданы Астраханской палате уголовного и гражданского суда.

Положение 1847 г. изменило состав улусных Зарго, увеличив их штат. Была введена еще одна должность члена суда: старшим членом являлся улусный попечитель, младшим – помощник улусного попечителя (Плюнов, 1922, стр. 56).

Зарго работали под наблюдением улусного попечителя и контролировались не только Астраханской палатой уголовного и гражданского суда, но и Астраханской палатой государственных имуществ, которой ежемесячно должны были представлять отчеты о своей работе (РГИА, Ф.1405, Оп. 63, Д. 7541, Л. 28). Улусные Зарго относились к всесловным судам, но решения, касавшиеся владельцев и зайсангов,

обязательно должны были утверждаться Астраханской палатой уголовного и гражданского суда.

Таким образом, несмотря на сохранение отдельных местных традиционных структур и институтов власти в Калмыцкой степи русский элемент все более усиливался: русские люди назначались на высшие должности областного и улусных управлений и судебных органов (Максимов, 2002, стр. 183). Суды находились под жестким контролем местной и центральной администрации.

Второй и, пожалуй, главной составляющей процесса интеграции калмыцкого населения стало применение в судопроизводстве российских законов.

Учрежденный в 1772 г. Зарго осуществлял судопроизводство в соответствии с нормами «Великого Уложения», законами Дондук-Даши 1758 г. и древним калмыцкими обычаями. А уголовные дела между калмыками и соседним населением должны были решаться им согласно российскому законодательству.

Однако постепенно полномочия Зарго ограничиваются. Так, в первой четверти XIX в., в подсудности Зарго остались лишь гражданские дела с ценой иска до 25 руб. Более крупные гражданские дела, а так же все уголовные дела решались в уездных, верхних земских судах, в астраханской губернской судебной палате в соответствии с российскими законами

Изменение подсудности дел и фактическое перераспределение полномочий по их рассмотрению, не решили проблему введения местного (национального) законодательства в единое законодательное пространство страны. В связи с этим указом Александра I от 9 марта 1825 г. Комиссии калмыцких дел предписывалось проанализировать имеющееся калмыцкое законодательство и совместно с владельцами улусов, представителями духовенства выработать новые законоположения, которые соответствовали бы реальному положению Калмыкии, времени и российским законам.

Следующим шагом стало создание основ новой правовой системы Калмыцкой степи. Эту задачу успешно решили Правила 1825 г., которые заложили новые отрасли права (гражданское, уголовное, административное и процессуальное право), а так же новую систему судебных органов, которые, обладая некоторыми национальными элементами, вписывались в российской единое законодательное и судебное пространство.

Суд Зарго отныне рассматривал гражданские дела трех категорий: сословные, всесословные и имущественные. Уголовные дела же подлежали рассмотрению в российских судах на основе российских законов.

Правила 1825 г. впервые определили виды уголовных преступлений в Калмыцкой степи: измена, неповиновение властям, возмущение, побег за границу со злыми намерением, вместе со злодеями, убийство, грабеж, насилие, преднамеренное провоцирование других на эти действия, изготовление фальшивых денег, воровство свыше трех раз (ПСЗ РИ, Т. 40, № 30290, стр. 159).

Примечательно, что говоря о «воровстве», законодатель оговорил количество совершенных правонарушений, после которого оно считалось преступлением. Это является ярким свидетельством того, что процесс введения норм российского права в калмыцком обществе носил не механический характер, а учитывал специфику национальной ментальности и особенности правосознание. Так, например, анализ судебных дел показывает, что самым распространенным видом преступления в Калмыцкой степи была кража скота. Среди калмыков это называлось «угоном», и это было связано с тем, что в правосознании калмыцкого населения «кража скота» – это уголовное наказуемое деяние, а «угон скота» – нет. Угон скота у калмыков имел характер молодечества, являлся свидетельством доблести и геройства. Он был причислен к преступлениям, не считающимся среди калмыков тяжкими, и, по сути, был выведен из уголовной юрисдикции. Подобные дела могли рассматриваться на уровне сельского самоуправления (хотонный сход), а окончательное решение утверждалось Зарго. Судить о том, какое значение в калмыцком быту имел этот род преступлений, можно было по тому, что не было примера, чтобы хотя бы одно из них раскрывалось. Это странное, но действительно существовавшее явление объяснялось тем, что, как правило, весь хотон знал, кто угнал скот. Вору было не скрыться от соседей, поэтому он обречен был вернуть скотину хозяевам. Если же скот не возвращался, то «героя» судили. Однако и в этом случае, виновный чаще всего не подвергался наказанию согласно закону, так как калмыки сами покрывали друг друга и, добиваясь только материального вознаграждения, вступали между собой в миролюбивое соглашение (ГААО, Ф. 1, Оп. 11, Д. 505, Л. 39.).

Судопроизводство в улусных судах осуществлялось в соответствии с древними законами калмыков, («Степным Уложением» 1640 г., законом хана Дондук-Даши 1758 г. и др.), и правовыми обычаями, а также в соответствии с новыми статьями уголовного и гражданского права.

Положение 1835 г. предусматривало так же ряд изменений в системе судопроизводства. Суду Зарго предписывалось решать уголовные дела согласно российским законам, а «тяжебных же древними калмыцкими постановлениям, а в случае недостатка оных также законами российскими (ПСЗ РИ, Т.10, Ч.2, № 7560а, стр. 26). Изменению подверглось

судопроизводство в улусных Зарго, оно должно было производиться по инструкции, разработанной военным губернатором и утвержденной министерствами внутренних дел и юстиции. Гражданские дела и дела по опекунству разрешались в соответствии с калмыцкими законами, а дела уголовные, следственные и судебно-политические рассматривались в соответствии с нормами российских законов.

После ликвидации в 1848 г. областного суда Зарго как высшего судебного органа и передачи всех дел его подсудности в Астраханскую палату уголовного и гражданского суда, где правосудие осуществляли российские судьи, на русском языке и согласно нормам российского права, все внимание законодателя сосредоточилось на улусных судах.

Положение 1847 г. определило перечень дел, которые улусные Зарго рассматривали по древним калмыцким законам – гражданские дела, вопросы опекунства и имущественные споры между калмыками. Если же дела касались споров калмыков с «посторонними лицами» следовало разбирать дела по правилам для судебных мест первой инстанции (по российским законам) (Команджаев, 2010, стр. 170). Улусным Зарго в окончательном решении имущественных тяжб присваивались те же права и власть, как и общим судебным местам первой степени, то есть решение об имуществе, стоящем не более 30 руб., приводились в исполнение. По делам о проступках власть улусных Зарго в определении наказания и принятии окончательных решений ставилась в условия, которые были определены сельским судебным уставом для волостных расправ. Если стоимость имущества составляла более 30 руб., то недовольная сторона могла обратиться с апелляционной жалобой в Астраханскую палату уголовного и гражданского суда, при которой состоял особый чиновник по делам калмыцкого народа. При рассмотрении дел по уголовным преступлениям Зарго руководствовались общими российскими законами. Если наказание за проступок и преступление превышало полномочия улусного Зарго, то дело представлялось на ревизию в Астраханскую палату уголовного и гражданского суда, которая делала соответствующие предписания.

Еще одним примером того, что судебная практика, вводимая на территории Калмыцкой степи учитывала социальную жизнь и быт калмыков, являлось то, что при вынесении решений о денежных взысканиях в опись продажи имущества не могли включаться жизненно необходимые вещи (кибитка, одежда, семейные продовольственные припасы на четыре месяца, скот), если у ответчика было не более одного верблюда, двух лошадей, трех коров, десяти овец. Если виновный признавался имущественно несостоятельным, то он должен был заработать

деньги и в течение полугода уплатить долг (ПСЗ РИ, Т. 40, № 21144, стр. 363).

Несмотря на целенаправленную работу российского правительства по скорейшему включению калмыков в правовую и экономическую жизнь страны, правосознание калмыцкого населения оставалось прежним. Основная часть калмыцкого населения не знала российских законов и не признавала их правомочность, кроме того, серьезной проблемой стало незнание местным населением русского языка, так как именно русский был введен в качестве официального и обязательного языка делопроизводства. Положение 1835 г. и 1847 г. предписывало дела в суде Зарго производить на русском языке, но с обязательным переводом на калмыцкий язык. Русский язык признавался обязательным в делопроизводстве и в деловых сношениях. Для образования калмыков и распространения между ними русского языка, а так же для подготовки переводчиков и толмачей, при Палате Государственных имуществ Положением 1847 г. учреждалось специальное училище (ПСЗ РИ, Т. 40, № 21144, стр. 349).

Однако на практике введение российских законов и новых порядков судоустройства и судопроизводства привели к тому, что к середине XIX в. деятельность улусных Зарго перестала быть эффективной. Большая часть дел, поступающих в Зарго, прекращалась из-за невозможности найти виновных или доказать преступление. Все это свидетельствовало о некачественности и чрезмерном формализме, допускаемом в делопроизводстве суда. Кроме того, во всех улусах установилась разнообразная практика в отношении судопроизводства, подсудности и компетенции Зарго. Все вышеперечисленные недостатки привели к тому, что калмыцкое население потеряло всякое доверие к своему суду и судьям. В правовой жизни населения царил путаница и неопределенность (РГИА, Ф. 1405. Оп. 93, Д. 10952, Л. 25). Министр внутренних дел В.К. Плеве указывал, что хотя у калмыков и существовало обычное право, но с ослаблением феодальной зависимости этому праву при новой организации улусных Зарго (Положение 1847 г.) не было отведено надлежащего места, и правосудие стало отправляться по формальным доказательствам с применением лишь правовых норм, указанных в законе (РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 10967. Л. 7.). Представленное улусным Зарго в гражданских делах право руководствоваться древними калмыцкими постановлениями на практике не осуществлялось вовсе, так как представители от народа – заседатели Зарго, участвуя в суде вместе с чинами улусной администрации, естественно, находились под их влиянием, не проявляли никакой инициативы и не имели практического опыта обращения к нормам калмыцкого обычного права.

Библиографический список

1. ГААО (Государственный архив Астраханской области) Ф. 1, Оп. 11, Д. 505,
2. Команджаев, А.Н. (2010) Законодательство калмыцкого кочевого общества XVIII-XIX вв. в системе российского права. *Вестник Прикаспия: археология, история, этнология*, №.2, стр. 166-171.
3. Максимов, К.Н., (2002) *Калмыкия в национальной политики, системе власти и управления России (XVII в. – XX в.)*. М.: Наука. 524 с.
4. Плюнов, Ф.И. (1922) Административное устройство, суд, сословные отношения, права и повинности калмыков по Положению 1847 года. *Ойратские известия*. № 3-4, стр.59-65.
5. *ПСЗ РИ (полное собрание законов Российской империи)* (1830) Собрание 1-е. Т. 40. № 30290. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
6. *ПСЗ РИ* (1834) Собрание 2. Т.10. Прибав. к Т. IX № 7560а. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
7. *ПСЗ РИ* (1847) Собрание 2-е. Т. 22. № 21144. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии
8. РГИА(Российский государственный исторический архив) Ф. 1405, Оп. 93, Д. 10952.
9. РГИА, Ф. 1405, Оп. 93, Д. 10967.
10. Якушенков, С.Н., Якушенкова, О.С. (2016) «Власть земли»: формирование новой инаковости в условиях фронта. *Журнал Фронтирных Исследований*, № 1, стр. 9-21.

**INTEGRATION OF KALMYKS INTO LEGAL SYSTEM OF THE
RUSSIAN EMPIRE AT THE END OF XVIII – THE FIRST HALF OF
THE XIX CENTURIES**

Chernik M.V.

Chernik Maria Vladimirovna, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, Tatishcheva, 20a . E – mail: chernik-max@mail.ru

Article is devoted to the analysis of features of integration of the kalmyk population into a system of law of the Russian Empire at the end of XVIII– the first half of the 19th century.

After liquidation of statehood of the kalmyk people by the Russian government work on implementation of the principles of the organization and functioning of system of the Russian legal proceedings in the territory of the Kalmyk steppe was begun. Attempts of maintaining the local (national) legislation in single legislative space of the country came to the end with the fact that cognizance of affairs was changed and powers on their consideration are actually redistributed. Gradual distribution Russian led the legislation in national legal proceedings to reducing the list of the cases considered under ancient Kalmyk laws. Despite it, the court practice entered in the territory of the Kalmyk steppe allowed to consider social life and life of kalmyks, specifics of national mentality and feature of sense of justice.

When preserving separate local traditional structures and institutes of the power in the Kalmyk steppe the role of the Russian officials more and more amplified, and courts were under tough supervision of administration.

Essential minus of this process was the fact that new orders were entered from above and had artificial character. The Kalmyk sense of justice remained the same and couldn't exchange as quickly as that was wanted by the government. New legal proceedings began to have formal character, and the Russian courts, to competence which a considerable part of the Kalmyk cases was referred, needed reforming. Process of integration proceeded rather difficult and to the middle of the 19th century wasn't complete. It led to the fact that in all uluses there was various practice concerning legal proceedings and cognizance the ulusnykh Zargo, and Kalmyks lost any trust to the court performing legal proceedings under the Russian laws, and the judges who didn't have practical experience of the appeal to regulations of the Kalmyk common law.

Keywords: Astrakhan province, Kalmyk steppe, Zargo's court, legal proceedings, sense of justice, legal system

Referenses:

1. GAAO (State Archives of the Astrakhan region). F. 1. Op. 11. D. 505.
2. Komandzhayev, A.N. (2010) The legislation of the Kalmyk nomadic society of the 18-19th centuries in system of Russian law. Messenger Prikaspiya: archeology, history, ethnology, No.2, p. 166-171.
3. Maximov, K.N., (2002) Kalmykia in national policy, system of the power and management of Russia (17th century – 20th century). M.: Science. 524 pages.
4. Plyunov, F.I. (1922) The administrative device, court, the class relations, the rights and duties of Kalmyks under the Provision of 1847. Oyratsky news. No. 3-4, pp. 59-65.
5. The COR RI. (Complete Collection of Laws of the Russian Empire).(1830) Meeting of the 1st. T. 40. No. 30290. SPb.: : Printing Division II Own HИH the Office
6. The COR RI. (1834) Meeting 2. T.10. Прибав. to T. IX \7560a 7560a. SPb.: Printing Division II Own HИH the Office
7. The COR RI. (1847) Meeting the 2nd. T. 22. No. 21144. SPb.: Printing Division II Own HИH the Office

8. RSHA (Russian State Historical Archives) F. 1405. Op. 93. D. 10952.
9. RSHA, F. 1405. Op. 93. D. 10967.
10. Yakushenkov S.N., Yakushenkova O.S (2016) «Power of land»: formation of new otherness in the conditions of frontier. Journal of Frontier Studies, № 1, pp. 9-21.